

Инаковость и властность как характеристики феминного в русской традиционной культуре

Колесникова Наталия Николаевна

аспирант

*Ставропольский государственный университет, кафедра философии, Ставрополь,
Россия*

E-mail: Mega-Fox@yandex.ru

Известно, что гендер как социокультурный феномен базируется на представлениях о маскулинном и феминном в их взаимосвязанности. Поскольку данные корреляты находятся в одной культурной плоскости, в единой системе ценностей (применительно к каждой этнокультуре), неизбежно возникает проблема доминирования одного из них.

В свою очередь, проблема власти, доминирования всегда связана с проблемой субъекта. Субъект, в отличие от объекта отношений, обладает такими характеристиками, как активность и свобода воли, что предопределяет его доминантное положение. В противоположность ему существует нечто, не обладающее подобными качествами, и даже противоположное им. Это нечто мы называем инаковым, другим по отношению субъекту.

Русская традиционная культура, подобно другим этническим культурам, подвергает осмыслению гендерные отношения, используя категорию инаковости: женщина представлена как «Другая» по отношению к мужчине и исключается из дискурса. Феминное при этом на ментальном уровне представляет собой локализованное замкнутое пространство, в основе которого лежит символика материнства, обладающая двумя взаимосвязанными потенциями: к порождению жизни и к смерти. Именно из этих двух потенций и вытекает основание техник управления, используемых феминным: власть в русской традиционной культуре вообще связана с символикой порождения вообще и в частности с материнской властью (1).

В данном контексте нельзя обойти вниманием специфику отношения русской традиции к материнству. Примечательно, что в концептуальном поле данной категории выделяется не только репродуктивный аспект, но также и элемент статусности, связанный с властным дискурсом. Механизмами поддержания и осуществления материнской власти при этом выступают иные, отличные от маскулинных техники управления. В качестве таковых мы вслед за другими исследователями выделяем ненасильственные, преимущественно речевые техники (1). Кроме того, мы дополнительно выделяем как один из способов женского управления любовь. При этом мы рассматриваем любовь не как средство эротического воздействия, а в качестве силы, наделенной легитимностью нравственного закона.

Фольклор, однако, подчеркивает различие между формальным, легитимным главенством, принадлежащим мужчине, и фактическим управлением, осуществляемым женщиной: «Исподний жернов перемалывает верхний». Как видим, на уровне полового символизма феминное ассоциировано с низом, маскулинное с верхом, что отсылает нас к отношениям таких концептуальных пар, как добро-зло, жизнь-смерть.

Однако, несмотря на то, что в русской традиционной культуре также имеет место маркирование феминного как инакового и его вытеснение на периферию культуры, в исследуемом социокультурном пространстве этот процесс не стал (или не смог стать) настолько всеобъемлющим и глубоким, как в культуре стран Западной Европы. Несмотря на дихотомичность категорий маскулинности и феминности в русской народной культуре и их субъектно-объектные отношения, мы считаем возможным говорить о феминной сущности наиболее глубоких пластов русской ментальности.

Об этом говорит в частности, то, что в русской культуре, по сравнению с западноевропейской, достаточно сильны элементы материнского права; образ России неизменно ассоциирован с феминным (2, 3); женское сообщество, на протяжении веков вытесняемое за пределы культуры, которая постепенно превратилась в мужскую

прерогативу, сумело локализоваться и конституироваться в качестве самостоятельной субкультуры, обладающей не только собственными традициями, но и весьма действенными техниками управления, распространяющимися также и на мужское сообщество.

Таким образом, в отличие от европейской традиции, в русской традиционной культуре феминное обладает пусть и не легитимной в сфере общественных отношений, но вполне реальной в семейной сфере властью. По нашему мнению, существование подобной ситуации в русской традиционной культуре, обусловлено тем, что в ней отсутствует четкая дифференциация публичного и частного (что характерно для западной культуры), что значительно повышает статус семейной сферы. Она становится важным социальным элементом и полем действия властных сил.

Кроме того, система ценностей, признаваемая русской традиционной культурой, по нашему мнению, значительно отличается от европейской. Установка на лидерство, конкурентность, достижение успеха в публичной сфере, обычно ассоциируемые с маскулинным типом поведения, никогда не признавались в качестве приоритетных в русской традиции. Возможно, этим обусловлена философская традиция (отечественная и зарубежная) наделяния образа России типично феминными характеристиками.

В целом, по нашему мнению, способ сосуществования мужского и женского в русской традиционной культуре трудно определяем, к нему нельзя применить ни западные, ни восточные мерки. Социокультурными детерминантами, обусловившими своеобразие данного явления мы считаем особенности хозяйственного уклада русских и смешение языческих (культ матери) и христианских верований (культ отца), что на ментальном уровне выразилось в специфическом сочетании патриархатных элементов с матриархальными.

Несмотря на внешнее доминирование патриархатных черт (таких как, жесткая иерархичность гендерных статусов и ролей, контроль старших над младшими, сильных над слабыми, субъективирование маскулинного и объективирование феминного), феминное именно в силу своей ассоциированности с архаическим, природным началом обретает силу и власть и более того, выступает в качестве определяющей характеристики «умопостигаемого» образа России в различных философских построениях.

Литература:

1. Щепанская Т.Б. Миф материнства и техники управления (женские символы и техники власти в русской этнической традиции // Астарта. Вып.2. Женщина в структурах власти архаических и традиционных обществ. СПб., 1999. С. 126-158.
2. Рябов О.В. «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии / Общественные Науки и Современность, 2000 г. № 4. С. 116-122.
3. Здравомыслова О.М. «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России / Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 109-115.
4. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.
5. Палья К. Личины сексуальности. Екатеринбург, 2006.